
ТЕОРИЯ

«СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ» КАК ПРЕВРАТНАЯ ФОРМА ГЕНЕЗИСА ПОСТКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

*Бузгалин Александр Владимирович – д.э.н.,
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова,
главный редактор журнала «Альтернативы»*

Поводом для обращения к теме этой статьи для автора стали, с одной стороны, все чаще встречаю-

щиеся попытки обозначить если не всю, то большую часть сферы социальных связей, отношений и институтов термином «социальный капитал», который «вдруг» (в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов) оказался очень удобным и востребованным понятием¹. С другой стороны, этот текст логически продолжает серию публикаций автора в журнале «Вопросы экономики» по проблемам генезиса пострыночных отношений – продолжающих, однако, по-прежнему одеваться в традиционные костюмы мира товаров и капиталов².

Причины же работы над этим текстом лежат глубже – они связаны с нашими исследованиями объективных противоречий развития позднего капитализма, и именно об этих противоречиях и о том, почему и как они порождают феномены «человеческого», «социального» и иных новых видов «как бы капитала» пойдет, главным образом, речь ниже.

¹ Некоторая попытка первичной систематизации основных зарубежных трактовок «социального капитала» и подробная библиография содержатся в англоязычных Интернет-ресурсах (см.: <http://www.socialcapitalresearch.com>; <http://www.gnudung.com/literature/contemporaryauthors.html>). Честно отмечу, что значительную часть зарубежных источников по проблемам, связанным с «социальным капиталом», я использовал, опираясь на названные выше Интернет-ресурсы и тексты С. Штырбула.

² См, в частности: Бузгалин А. В., Колганов А. И. «Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела // Вопросы экономики, 2004, № 3; Бузгалин А. В., Колганов А. И. Политическая экономия постсоветского марксизма (тезисы к формированию научной школы) // Вопросы экономики, 2005, № 9; Бузгалин А. В., Колганов А. И. Человек, рынок и капитал в экономике XXI века // Вопросы экономики, 2006, № 3; Бузгалин А. В., Колганов А. И. «Капитал» в XXI веке: pro et contra // Вопросы экономики, 2007, № 9.

1. «Социальный капитал»: как ищут и что находят западные и копирующие их отечественные авторы?

Этот раздел будет малооригинальным и относительно коротким: я не ставлю перед собой задач первоначального анализа материала, состоящих в пересказе того, кто что сказал на Западе о том, что такое «социальный капитал» и каковы его основные слагаемые. Не ставлю, ибо в первом приближении они уже решены во многих кандидатских диссертациях, описывающих этот феномен. А вот некоторое обобщение написанного западными специалистами и в основном воспроизводящими их отечественными авторами я предложить хочу, ибо оно будет работать на доказательство ряда последующих тезисов.

Начнем с того, что первым импульсом для появления этого термина стало «открытие» в 1980-е годы прошлого века несколькими учеными³ феномена, не описываемого традиционными неоклассическими и/или неоинституциональными терминами, – того, что, в частности, образно называют «доверительной распиской» (членство в группе, которое дает право на «кредит», в разных смыслах этого слова, – Бурдьё, 1986)⁴. Кроме известного еще с XVIII века феномена «доверия» (кстати, один из наиболее маститых авторов в этой тематике, Ф. Фукуяма, во многом сводит «социальный капитал» именно к этому феномену⁵), в это поле были включены такие явления, как дружба, членство в добровольных организациях и обществах, семейные и другие некоммерческие связи, а также особая (о том, какая именно, – ниже) роль социальных структур. Получилась некая весьма аморфная совокупность, которую, «естественно», тут же назвали капиталом, а прилагательное «социальный» появилось как бы само собой.

Описывающие эту совокупность в предельно общем виде справочники и словари делают «социальный капитал» поистине безграничным понятием: это институты, отношения и нормы, которые формируют, качественно и количественно, социальные взаимодействия в обществе (определение Мирового банка). В профессиональных

³ Современные комментаторы сходятся на том, что это были работы Пьера Бурдьё, Джеймса Коулмана и Роберта Патнема (См.: Bourdieu, P. The Forms of Capital. In: Handbook of theory and research for the sociology of education. Edited by John G. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986; Coleman, J. Foundations of social theory. Cambridge: Harvard University Press, 1990; Putnam, R. Bowling alone: America's declining social capital // Journal of Democracy, 1995, v. 6. См. также: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность, 2001, № 3. С. 133–134).

⁴ Bourdieu, P., op. cit., p. 243, 248.

⁵ См.: Fukuyama, Francis. Trust: the social virtues and the creation of prosperity. London: Hamish Hamilton, 1995.

работах эта аморфность, однако, отчасти преодолевается, что позволяет несколько специфицировать данную категорию.

Позволю себе для начала выделить ряд устойчиво повторяющихся феноменов, которые разные группы авторов относят к «социальному капиталу».

Первый, очевидно бросающийся в глаза, – *доверие и связанные с ним феномены знакомства, признания, толерантности*⁶.

Второй – социальные связи, контакты разного рода (перечень этих связей, встречающихся в разных работах, очень широк: семья, религиозные группы, сети выпускников, сообщества по национальному признаку, знакомства и т. п.) с выделением неформальных (то, что мы бы назвали «блатом») и чисто личностных (товарищество, дружба и т. п.)⁷.

Третий – социальные структуры. С этим ситуация сложнее. Сделанный рядом авторов выбор таких структур показывает, что наиболее часто упоминаются различного рода элитные структуры (вплоть до закрытых бизнес-клубов и разного рода «саммитов» типа Давосского, о чем, правда, упоминают редко), но есть и работы, в которых речь идет о разного рода социальных сетях⁸ и/или добровольных организациях, структурах гражданского общества⁹.

Если же говорить об авторах, выделяющих более-менее устоявшиеся типы связей, то они делают акцент на (1) внешних связях, также называемых связями преодоления (bridging) или коммунальными связями и/или (2) на внутренних связях – связях «склеивания» (bonding)¹⁰.

Наконец – и это очень важный аспект – некоторые из зарубежных авторов отмечают, что отношения, описываемые понятием «социальный капитал», по преимуществу *не-конкурентны*¹¹.

⁶ Об этом пишут, в частности, Ф. Фукуяма (op. cit., p. 10), Р. Инглхарт (Inglehart, R. Modernization and post-modernization: cultural, economic and political change in 43 societies. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 198), Р. Патнем (op. cit., p. 67) и мн. др.

⁷ Эти положения характерны, в частности, для таких авторов, как П. Бурдье и Дж. Коулман.

⁸ Социальные связи в группе, знакомства, признание, которые можно конвертировать в капитал, выделяет как атрибут «социального капитала» подавляющее большинство авторов, пишущих на эту тему.

⁹ Об этом, в частности, пишет К. Томас (См.: Thomas, C. Capital markets, financial markets and social capital // Social and Economic Studies, 1996, v. 45, No 2–3. P. 11).

¹⁰ Несколько условное деление на авторов, принадлежащих к той или иной из упомянутых выше групп, приведено в указанном выше Интернет-ресурсе, реферирующем работы зарубежных авторов.

¹¹ Отмечая этот аспект я хотел бы в то же время заметить, что акцент на преимущественно неконкурентном характере связей как одной из отличитель-

Для целей нашего исследования, однако, особенно важным будет иное деление зарубежных авторов. Первая и *доминирующая группа* – те, кто «социальный капитал» понимает *сугубо коммерчески* (или экономически в узком смысле слова), т. е. как некие социальные параметры (как правило, прежде всего – доверие и знакомства в той или иной сети), которые могут быть использованы для получения дополнительной коммерческой (и иной) выгоды¹², или, как заметил один из этих исследователей (М. Шифф), – являются аргументом производственной функции и/или функции полезности¹³. Вторая группа – те, для кого он есть *еще и феномен*, описывающий особый (я бы сказал – не типичный для рынка) круг отношений, в которых «социальный капитал» *выступает как общественное благо*¹⁴. Это отношения «сотрудничества» (Патнэм, Брем и Ран)¹⁵, «оказания помощи и поддержки» (Де Граа, Боксман, Флап,

ных черт социального капитала для зарубежной литературы не характерен. Описывая по преимуществу именно неконкурентные отношения, большинство авторов тщательно старается этого не замечать. И ведь у них это получается!

Еще один вопрос: если верить неоклассике, то атрибутом рынка (и, следовательно, капитала) является конкуренция. Следует ли отсюда, что социальный капитал (как и многие другие формы взаимодействия в капиталистической системе) – нерыночный феномен? Или неконкурентные отношения есть один из атрибутов рынка? В самом деле, почему бы не считать отношения солидарности одной из прогрессивных форм рынка и обеспечивать переход к рынку в России путем сворачивания конкуренции и развития солидарности? Глупость? А считать неконкурентные отношения по своей природе рыночными – это что?

¹² Это характерно для большинства упомянутых выше авторов, а также для таких ученых, как Р. Берг (Burt, R. Structural holes: The social structure of competition. Cambridge: Harvard University Press, 1992. P. 9), Д. Ноук (Knoke, D. Organizational networks and corporate social capital. In: Corporate social capital and liability. Boston: Kluwer, 1999. P. 18) и др.

¹³ Schiff, M. Social capital, labour mobility, and welfare: The impact of uniting states // Rationality and Society, 1992, v. 4. P. 160.

¹⁴ См.: Portes, A. Social capital. Its origins and applications in modern sociology // Annual Review of Sociology, 1998, v. 24. P. 1-24.

Сходная трактовка социального капитала дана в работах одного из немногих отечественных исследователей этого феномена – К. В. Маркаряна, который развивает свое понимание этой категории вплоть до серии стратегических рекомендаций в области экономической политики (см.: Маркарян К. В. Человеческий и социальный капитал: теория и модели будущего. В кн.: Социальная экономика: теория и практика. М.: URSS, 2009).

¹⁵ См.: Патнэм Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // МЭиМО, 1995, № 4; Putnam, R. Bowling alone: America's declining social capital // Journal of Democracy, 1995, v 6. P. 67; Brehm, J., and

Бурдые и Вакканти)¹⁶ и т. п., которые способствуют «развитию коллектива в целом» (Томас)¹⁷, «с целью решения проблем коллективных действий» (Брэм и Ран)¹⁸.

Иными словами, можно сказать, что последняя группа авторов в совокупности определяет «социальный капитал» как... *систему отношений коллективизма, помощи, поддержки и взаимного сотрудничества с целью развития сообщества в целом.*

...Приостановив анализ взглядов западных авторов и написав выделенную выше курсивом дефиницию я едва не упал со стула: в самом деле, любой обществовед старше пятидесяти знает, что это не что иное, как... определение основного производственного отношения коммунизма в учебнике по политической экономии Высшей партийной школы СССР, данное И. И. Кузьминовым – отцом ныне хорошо известного либерала Я. И. Кузьмина...

Оставим пока в стороне это неслучайное сходство и лишь запомним проведенное выше деление на две группы западных авторов: тех, кто акцентирует рыночный капиталистический эффект (*«капиталистическая трактовка»*) и тех, кто рассматривает в первую очередь новый тип и характер общественных отношений (*«социальная трактовка»*). Это деление принципиально важно для нашего дальнейшего исследования, и потому ему уделено столько внимания.

Если же суммировать общие признаки разработок большинства известных мне авторов, как пишущих о «социальном капитале» на Западе, так и воспроизводящих эти трактовки в нашей стране¹⁹, то получится следующий набор характеристик, не выбывающий из типичного пейзажа «основного течения» современной экономической и социальной теории ни по предмету, ни по методу:

- использование методологии позитивизма и потому выделение преимущественно эмпирически наблюдаемых черт;

Rahn, W. Individual-level evidence for the causes and consequences of social capital // *American Journal of Political Science*, 1997, v. 41. P. 999.

¹⁶ Bourdieu, P., and Wacquant, L. *An invitation to reflexive sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 119; Boxman, E., De Grant, F., and Flap, L. The impact of social and human capital on the income attainment of Dutch managers // *Social Networks*, 1991, v. 13, p. 52.

¹⁷ Thomas, C., *op. cit.*, p. 11.

¹⁸ Brehm, J., and Rahn, W., *op. cit.*, p. 999.

¹⁹ Автор не претендует на исчерпывающую полноту своего обзора, носящего к тому же вторичный характер, и потому будет рад любому дополнению и критике, но, исходя из теоретико-методологических соображений, я все же склонен считать, что ничего принципиально иного, чем упомянуто выше, в рамках мейнстрима о «социальном капитале» не сказано и не будет сказано. Я, скорее всего, упустил какие-то дополнительные черты, новые формулы и мо-

- у многих (но не у всех) авторов – господство прагматического подхода, обуславливающее выделение прежде всего тех социальных связей и отношений, которые могут обеспечить прирост исходных ресурсов (в большинстве случаев – дополнительный денежный доход);
 - выделение в качестве предмета исследования процессов, отождествляемых (в какой мере правомерно – это особый вопрос) с рыночными, капиталистическими отношениями;
 - ориентация на выделение функциональных и иных связей, которые позволяют формализовать и квантифицировать выделяемые черты «социального капитала», неявное абстрагирование от связей, взаимодействий и аспектов исследования, не поддающихся математическому моделированию;
 - господство методологического индивидуализма в большинстве работ (исключения составляют отдельные авторы, включающие и анализ социально-групповых процессов) и т. п.

Перечисленные выше параметры позволяют, в частности, объяснить, почему едва ли не все известные исследователи «социального капитала» никогда даже не задаются вопросом о том, насколько правомерно называть совокупность подводимых под это имя явлений именно *капиталом*. Почему бы их не назвать, скажем, «социалом» – нерыночной и некоммерческой социальной связью индивидов?

Ответ на этот вопрос довольно очевиден: принадлежащие к мэйнстриму авторы все, что производительно, как и вообще любую форму богатства, считают капиталом, а то, что социальные связи могут быть производительны, знает всякий, кто использовал в целях собственной выгоды дружбу, кумовство, связи внутри национальных диаспор и т. п. Впрочем, открытие «продуктивности» социального капитала также считают важным научным достижением, и не без оснований: теперь у экономистов есть несколько способов, при помощи которых можно посчитать экономическую эффективность товарищества, дружбы и семейных привязанностей, что (без всяких шуток!) весьма важно для всякого серьезного бизнесмена и менеджера.

Для нас здесь, впрочем, важен не ответ, а *вопрос*. Задав его, мы ставим под сомнение не прилагательное, а существительное – самую суть феномена «социальный капитал». Мы ставим проблему: *а капитал ли это?* Можно, конечно, все, что так или иначе дает некий прирост богатства, считать капиталом. И это правильно с точки зрения неоклассического нарратива. Более того, даже спорящий с этим в принципе марксизм подтверждает, что капитал, будучи в условиях капитализма всеобщей формой богатства, придает всем феноменам этого общества вид капитала.

дела и т. п. параметры, лишь дополняющие или более успешно квантифицирующие названные выше черты.

Вот только вопрос: а можно ли, например, «числить по ведомству» *капитала* (пусть и социального) добровольные и легальные организации, постоянно и неуклонно проводящие деятельность (исключительно легитимную, мирную и демократическую) по:

- ограничению доходов собственников капитала и перераспределению их (в размерах до 50%) в пользу беднейших слоев населения;
- национализации образования, здравоохранения, природных ресурсов, объектов инфраструктуры, телекоммуникаций и т. п.;
- развитию селективного регулирования экономики и увеличению даже не до 50% (как сегодня в скандинавских странах) а до, скажем, 70–80% доли ВВП, перераспределяемой обществом (НПО, органами местного самоуправления и государствами)?

А деятельность профсоюзов, органов местного самоуправления, социалистической, коммунистической и других левых партий, обеспечивших победу на президентских выборах в 1970 году Сальвадора Альенде, начавшего в Чили социалистические преобразования, была прогрессом социального *капитала*?

Между тем – все эти явления в полной мере подпадают под то определение «социального капитала», которое принято на Западе: они являются формой общественной связи индивидов, обеспечивающей рост полезного эффекта – в данном случае социального равенства и социальной справедливости.

Так вопрос в современных западных исследованиях «социального капитала» никто не ставит. И это не случайно.

Во-первых, «мэйнстрим» названные процессы вообще не замечает, считая их незначительными маргинальными возмущениями на границах системы. Более того, «мэйнстрим» вообще не хочет видеть ничего, что указывает на наличие иных, нежели рынок и капитал, феноменов в реальной действительности. А они есть.

Во-вторых, прогресс социального равенства и справедливости принадлежащие к «мэйнстриму» исследователи «социального капитала» вряд ли будут считать продуктивным актом, если он не приводит к росту прибыли корпораций или хотя бы росту ВВП страны.

Сформулированный выше подход для нас важен, ибо, соглашаясь с ним (в самом деле, называть капиталом, пусть даже и социальным, то, что не увеличивает денежное богатство, странно), мы можем зафиксировать то ограничение, которое сами исследователи «социального капитала» проводят редко. Мы можем сказать, что «социальным *капиталом*» можно называть только *те социальные взаимодействия, которые прямо или косвенно resultируются в росте рыночного эффекта, в первую очередь – приросте денег, капитала*

Все остальные социальные связи даже по аналогии называть «капиталом» не стоит, ибо в этом случае «социальным капиталом» окажется и вся совокупность от-

ношений, формировавшихся в СССР под мудрым руководством Коммунистической партии и Советского правительства, а любое общество и любой экономический строй будут капиталистическими... (В самом деле, вряд ли ученые, стоящие на позициях экономического либерализма, согласятся с тем, что социализация экономики есть прогресс капитала, пусть даже и «социального»...).

В этом случае та трактовка исследуемого нами понятия, которую мы выше назвали «социальной», выйдет из поля, обозначаемого понятием «социальный капитал». И это важный аспект, к которому мы еще вернемся.

Итак, перед нами два подмножества явлений, обозначаемых понятием «социальный капитал»: (1) некие ранее не описывавшиеся экономической теорией формы социальных взаимодействий, включенность в которые дает *рыночный, капиталистический эффект* и (2) формы социальных взаимодействий, которые дают *не рыночный, а социальный эффект*. Существенно, что эти два подмножества пересекаются.

А теперь поставим вопрос: а какова природа этих социальных взаимодействий? Едина ли она для первого и второго подмножеств?

2. Несколько предварительных определений (краткое отступление)

Гипотеза, которую автор будет разворачивать и аргументировать в этом подразделе, состоит в следующем: отношения и процессы, обозначаемые термином «социальный капитал», являются *par excellence* посткапиталистическими (и пострыночными) феноменами, которые обретают форму капитала в силу всеобщности бытия и господства последнего в современных условиях. Эти посткапиталистические отношения могут служить прогрессу преимущественно капитала («социальный капитал» первого вида) или общества («социальный капитал» второго вида). В первом случае включение и собственно капиталистических отношений является правилом, во втором – исключением.

Прежде чем начать пояснять и аргументировать эти положения, позволю себе (в качестве одного из блоков гипотезы) ввести некоторые понятия.

Будем считать:

(1) *рынком* – форму только таких взаимодействий, субъекты которых независимы друг от друга; функционируют в условиях разделения труда; преследуют цели максимизации дохода (имеющего в развитой рыночной экономике денежную форму или денежный эквивалент) и минимизации затрат труда, а также других ресурсов; взаимодействуют посредством отношений конкуренции;

(2.) *капиталом* – только такой процесс прироста общественного богатства по сравнению с исходным (процесс создания прибавочного продукта), в основании которого лежит частная собственность одних лиц на не-персонифицированные факто-

ры этого процесса (в частности, средства производства, включая такие, как информация), а других лиц – на рабочую силу, причем собственник рабочей силы лично свободен и лишен какой-либо иной собственности;

(3) иные феномены – *нерыночными* и/или *некапиталистическими*. В частности, нерыночными будем считать отношения натурального хозяйства (производства и потребления продукции внутри одного хозяйственного субъекта); безвозмездного дарения и безвозмездной помощи; не ориентированных на максимизацию частного эффекта сотрудничества и кооперации; сознательного распределения и перераспределения благ на основе непосредственно-общественного принятия решений исходя из социальных (гуманитарных, экологических и т. п.) критериев и т. д. К некапиталистическим при таком подходе будут отнесены, например, процессы получения прибавочного продукта путем внеэкономического принуждения лично зависимых работников; или создание прибавочного богатства общества ассоциацией собственников общественных средств производства; или сотворение свободным креатором, работающим на основе гарантированного обществом обеспечения рациональных потребностей, нового культурного феномена, передаваемого человечеству бесплатно, как общественное благо (научная работа сотрудника НИИ или университета в общественном секторе экономики);

(4) *переходными* – всякие процессы, в которых противоречиво соединяются черты рыночных и нерыночных (капиталистических и некапиталистических) отношений. Достаточно очевидно, что в современных экономиках господствуют именно такие, переходные отношения: от 30 до 50% ВВП развитых стран распределяется и перераспределяется по нерыночным критериям на основе общественных, сознательно вырабатываемых решений; многие работники являются собственниками акций, а высшие менеджеры соединяют в себе черты собственника капитала и наемного работника и т. д.;

(5) что в классе переходных процессов можно, в частности, выделить *отмирание дорыночных (докапиталистических)* отношений и *генезис пострыночных (посткапиталистических)* в процессе эволюции рыночной капиталистической экономики²⁰. В качестве основы для такого выделения будет использован известный в социологической литературе *критерий прогресса*: мера свободного гармоничного развития личности²¹ (его косвенным социально-экономическим измерителем может слу-

²⁰ Этот аспект гипотезы предполагает, что принимается в качестве исходной посылки спорный для многих и в неоклассике вообще не обсуждаемый тезис, а именно: рыночная экономика имеет исторические и логические социовременные и социопространственные границы, т. е. где-то и когда-то она есть, а где-то и когда-то ее нет.

²¹ Этот критерий в разных формах воспроизводится в работах теоретиков Ренессанса (Пико де ла Мирандола), Просвещения (Вольтер), марксизма (преж-

жить Индекс человеческого развития, а также ряд других показателей, используемых ООН и ЮНЕСКО для сравнительного анализа социального, гуманитарного и экологического развития стран). Соответственно, в том случае, если переход осуществляется от менее прогрессивных отношений, чем рынок (капитал), к рынку (капиталу), мы можем говорить об отмирании дорыночных (докапиталистических) отношений. В случае, если осуществляется переход от рынка (капитала) к более прогрессивным отношениям, мы будем говорить о генезисе пострыночных (посткапиталистических) отношений.

Эти предпосылки доказательства сформулированной выше гипотезы, естественно, будут приняты далеко не всеми.

Радикально-правые сторонники свободного рынка и частной собственности не примут ни тезис об исторической ограниченности рынка и капитала, ни положение о том, что нерыночные и некапиталистические отношения могут быть более прогрессивны, нежели рынок и капитал. Так, они *не* будут отрицать, что возможна экономика с бесплатным образованием, здравоохранением и большим госсектором в промышленности, на транспорте, в энергетике, с селективным регулированием, с прогрессивным налогообложением и т. п. Но они скажут: такая экономика менее эффективна, чем экономика с минимальными госсектором и социальной защитой, а также невмешательством государства в процесс аллокации ресурсов. Тем самым они скажут, что есть такие формы организации экономики, которые мешают рынку и капиталу и, следовательно (это будет уже моим продолжением их логики), являются нерыночными. Тем самым они волей-неволей вынуждены будут согласиться, что нерыночные и некапиталистические отношения возможны, но лишь как менее эффективные. Напомним вывод о том, что в экономике могут действовать нерыночные и некапиталистические механизмы организации присвоения, аллокации и распределения (перераспределения) дохода и т. д.

Как ни странно, но гораздо резче к сформулированным мною выше предпосылкам отнесутся сторонники социально-ориентированной и регулируемой рыночной экономики. Они напоминают известный тезис о том, что рынок и капитализм уже в XX веке существенно изменились, и потому перераспределение государством значительной части ВВП есть развитие рынка (а не форм, переходных к пострыночному), что участие работников в собственности есть прогресс капитала (а не ростки посткапиталистических отношений) и т. п.

де всего сам К. Маркс, а также Д. Лукач, А. Шафф и др.), экзистенциализма (Ж.-П. Сартр), гуманистической психологии (Э. Фромм) и т. д. Не случайно в политической экономии социализма этот императив был назван основным законом коммунистической системы (Подробнее о соотношении апологетики и науки в этой связи см. в кн.: Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века. М.: ТЕИС, 2003).

Я уже не раз спорил с этим утверждением²², поэтому напомним только один аргумент, касающийся капитала. Если участие работников в собственности есть прогресс капитала, то почему бы тогда не перейти к собственности работников на средства производства (кооперативной, коллективной, коммунальной, муниципальной, федеральной и т. п.) как главной форме *капиталистической* организации экономики? Или же такой переход будет означать скачок *по ту сторону* капитала?

Нам ответят: этот процесс может идти лишь до определенной *меры*, до тех пор, пока основой экономики будет все же оставаться частная собственность. И этот ответ будет абсолютно правомерен: в самом деле, до тех пор, пока новые формы (те же ассоциированные формы собственности) развиваются лишь в виде переходных отношений и как подчиненные по отношению к капиталу как таковому (отношению, в котором собственник и наемный работник отделены друг от друга), они (эти новые формы) могут служить укреплению капитализма. Если же новые отношения станут доминирующими... мы окажемся по ту сторону капитала. Точно так же обстоит дело и с соотношением рыночного саморегулирования и сознательного регулирования.

Итак, введение в анализ параметра исторического развития и перехода количественных изменений (например, нарастания регулирования) в качественные (переход по ту сторону рынка в нашем примере) позволяет нам аргументировать тезис о том, что наличие нерыночных отношений может быть признано, даже если стоять на позициях, которые я бы обозначил политическим маркером – как социал-демократические.

3. Отношения и процессы, скрытые за понятием «социальный капитал»: базовые социальные взаимодействия

После этих предварительных замечаний мы можем вернуться к проблеме историко-диалектического исследования феномена, называемого «социальным капиталом».

Что же скрывается за этим термином?

Если мы рассмотрим первый подвид «социального капитала» (отношения, приносящие рыночный эффект), то окажется, что основанием для такого имени является способность этих отношений и общностей приносить прибыль тем агентам, кто умело использует их для приумножения своей выгоды. Итак, внешне все параметры соблюдаются. Даже с точки зрения марксовской всеобщей формулы капитала ($D-T-D'$) перед нами капитал²³. Более того, мы можем представить его формулу: $D-C-D'$, где

²² См.: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Пределы капитала: методология и онтология. М.: Культурная революция, 2009.

²³ Замечу: неоклассическое определение капитала несколько более аморфно и менее строго повторяет первоначальное определение [видимости] капитала, данное во II отделе I тома «Капитала». Другое дело, что Маркс, в отличие от

C - социальные связи и отношения²⁴. Эта формула, как выяснится ниже, несколько упрощена, но пока это не важно. С практической точки зрения она предстает в несколько циничном, но вполне понятном виде. У некоего агента X есть, скажем, 1 млн. долларов, которые он хочет приумножить. В случае обычных вложений он получит, скажем, 10% прибыли, т.е. 1,1 млн. Но если осуществить эти вложения, пользуясь протекцией однокашников по престижному N-скому университету, то процент окажется выше, и наш агент X получит не 1,1, а, скажем, 1,2 млн. Соответственно 100 000 долларов в этом случае будут продуктом «социального капитала»²⁵.

Однако с точки зрения Маркса всеобщая формула капитала есть не сущность, но видимость капитала как особого историко-экономического феномена. Для нас эта «деталь» очень важна, ибо под эту формулу подпадают и те формы, которые этот представитель классической политической экономии назвал «допотопными», – формы торгового и ростовщического капитала, существовавшие задолго до капитализма, были классическим примером переходного экономического отношения. Возьмем в качестве примера следующую типичную для купеческого капитала эпохи российского позднего средневековья (абсолютизма) сделку: купец покупает у помещика в N-ской губернии некий товар, везет его в Петербург и продает другому помещику (или царскому двору) с выгодой²⁶. Этот пример указывает на отношение, которое противоречиво соединяло феодальное по своей социально-экономической сути производство (производство, основанное на использовании лично зависимого работника и продавцом товара, и его покупателем, деньги которому принес опять же крепостной) и капиталистическое по форме обращение.

Идем далее. Если мы приняли предложенное и в меру наших сил обоснованное определение капитала, то окажется, что в приведенном нами примере капиталистического социально-экономического отношения нет. Есть лишь его видимость (вполне реальная), т. е. перед нами как бы капитал, видимость капитала²⁷.

представителей неоклассики, не ограничивается видимостью, которая складывается в обращении, и идет дальше, анализируя и сущность, которая раскрывается только в исследовании процесса производства в широком смысле слова.

²⁴ С. А. Штырбул предлагает несколько иной вид этой формулы: «Доверительная расписка» – Услуга – «Доверительная расписка».

²⁵ В приведенном выше примере «социальный капитал» выступает в виде своего рода мультипликатора, что позволяет уточнить приведенную выше формулу. Она получит вид: $D - T(C) - D'$

²⁶ Со стороны производства эта сделка будет представлена в виде формулы: Произведенный в некапиталистической сфере товар – Деньги... и ...Полученные в некапиталистической сфере Деньги – Товар.

²⁷ Замечу: если мы приведенное выше логическое построение отрицаем, то тем самым мы утверждаем, что с точки зрения капитала и основанной на нем

Теперь мы можем взглянуть на систему отношений, которые характеризуют «производство» социального капитала в современную эпоху, и на этом основании ответить на вопрос, является ли производство «социального капитала» капиталистическим производственным отношением.

Если мы посмотрим на процесс этого «производства» сквозь призму историко-диалектического исследования рынка и капитала, то окажется, что в данном случае мы имеем дело с классом явлений, которые по своим основным параметрам не принадлежат к атрибутам товарно-капиталистических отношений. Скрытые за термином «социальный капитал» отношения и процессы либо (а) существовали до и независимо от рынка и капитала, существуют при этой экономической системе и будут существовать после, либо (б) относятся к нерыночному, некапиталистическому феноменам.

Что касается подвида (а), то здесь все относительно просто. В самом деле, вряд ли кто-то станет оспаривать, что семейные связи, дружба, религиозная или национальная общность не есть порождения рынка и капитала. Впрочем, и здесь есть нюансы. Точно так же, как станок (или даже кусок золота) по своей природе не капитал, а всего лишь некоторое технологическое устройство (или металл), так же и семья (остановимся в качестве примера на этой форме социальной связи) по своей природе есть способ воспроизводства рода Человек, а не средство получения прибыли. Но, будучи включен в капиталистический процесс производства, станок становится [постоянным] капиталом. Можно ли по аналогии говорить о сходном превращении семьи? Я думаю, что ответ будет неоднозначным. Если семья «производится» как часть процесса создания прибыли (формирование капитала для начала семейной жизни – производство семьи – получение большего, чем авансированный, капитала в результате функционирования семьи), то по форме процесс является капиталистическим. Но по существу семейные отношения как таковые лишь в исключительном случае являются отношениями собственника капитала-семьи (того, кто вложил средства в создание семьи) и того, кого я условно могу назвать «семейным наемным работником» (того, кто получает содержание от хозяина и выполняет оговоренные контрактом функции). Более того, переход внутрисемейных отношений на собственно капиталистические основы (или отношения рыночного партнерства – производства семьи совладельцами «семьи-капитала») приводит к тому, что семья перестает быть собственно семьей – отношениями людей, основанными на взаимной любви, дружбе, традиции, взаимопомощи.

Итак, в случае с подвигом (а) «социального капитала», который мы рассмотрели на примере семьи, мы можем сделать важный вывод. Вместо формулировки «семья

капиталистической общественной системы нет никакого различия между производством, основанным на использовании наемного труда и на использовании крепостных (или иных лиц, находящихся в личной зависимости, – скажем, колхозников сталинской поры или узников ГУЛАГа).

есть капитал» (я просто опустил в данной формуле прилагательное «социальный») мы получили иную: семья по своей природе не есть капитал, но может иметь видимость капитала, если используется для извлечения прибыли, и даже приобретать содержательные черты капитала, если строится на принципах, отрицающих собственно семейные. Эту формулу можно генерализовать, заменив термин «семья» на «базовые социальные связи»²⁸ (напомню, семья выше была использована лишь как пример для упрощения изложения). В этом случае мы можем сказать: *базовые (родовые) социальные связи человека по своей природе не есть капитал, но могут получить видимость капитала, если используются для извлечения прибыли, и даже приобретать содержательные черты капитала, если строятся на собственно капиталистических (а не социально-инвариантных) принципах*²⁹.

В контексте нашего исследования этот подвид отношений не может быть квалифицирован ни как *до-*, ни как *пост-* рыночные и/или капиталистические отношения. Они в большинстве своем принадлежат к неэкономическим сферам жизни общества и лишь абсорбируются (подчиняются) рынком и/или капиталом.

Гораздо интереснее для нас социальные связи и взаимодействия типа (б) – те, что я условно назвал *пострыночными* и *посткапиталистическими*.

4. Отношения и процессы, скрытые за понятием «социальный капитал»: генезис нового класса отношений, переходных к посткапиталистическим

Для начала напомню, о чем идет речь. Рассматривая взаимодействия субъектов в рамках неправительственных организаций, социальных движений и других институтов гражданского общества, в коллективах ученых, художников и педагогов, взаимодействия людей в процессе совместной добровольной (voluntary) деятельности и т. п., ряд упомянутых выше зарубежных авторов выделяет в качестве связей, описы-

²⁸ Автор не уверен в том, что выше использован наилучший термин, и будет благодарен за критику и помощь в поиске более адекватного понятия. Смысл, вкладываемый в этот термин, однако, известен: социальные связи и взаимодействия, характерные для Человека как родового существа, существующие во всех (или нескольких) социальных образованиях независимо от собственного системного качества последних.

²⁹ Здесь нас ждет большая трудность: с точки зрения неоклассики «естественным», родовым свойством человека является рациональный экономический эгоизм. Автор не может вести всерьез полемику с этим утверждением, ибо исторически доказанным является наличие существенно иных, нежели рыночные и капиталистические, принципов, ценностей и мотивов поведения у представителей самых разных до- и вне-капиталистических общностей (так, для доклассового общества дарение было правилом, а эквивалентный обмен – случайным исключением, для феодального общества правилом было внеэкономическое принуждение, а утверждение о равенстве дворянина и крепостного как экономических агентов выглядело как нонсенс...).

ваемых категорией «социальный капитал», отношения *взаимного сотрудничества, солидарности, взаимопомощи, кооперации.*

(Прежде чем продолжить анализ, напомним одно из тех положений, которые я просил запомнить: в современной экономике мы практически никогда не встретим чистых некапиталистических форм. Сегодняшний мир – это мир рынка и капитала. Единственное, что может быть в нем наряду с ними, – формы, соединяющие черты этих отношений и ростки новой системы, но и только. Повторю: в чистом виде некапиталистические отношения в сегодняшней экономике почти не встречаются.)

Я сейчас не ставлю практически актуальный вопрос о том, насколько широко распространены отношения солидарности в современной экономике³⁰. Я лишь фиксирую теоретически значимый тезис: нерыночные отношения кооперации в современной экономике есть, и они настолько значимы, что зарубежные исследователи были вынуждены их не только заметить, но и обозначить как особый вид капитала.

Для автора этот круг отношений интересен по нескольким причинам.

Во-первых, эти отношения *an sich* носят *не рыночный* характер. Главное основание такого утверждения в том, что эти отношения предполагают не обособление, независимость акторов, а кооперацию и диалог субъектов. Следствием этого является по преимуществу неконкурентный характер этих взаимодействий. В рамках таких отношений *солидарность оказывается реально действующим, эффективным и практически используемым в экономике способом кооперации индивидов в процессе осуществления совместной деятельности.*

Во-вторых, эти отношения предполагают и полагают формирование черт иного, нежели характерные для рационального homo economicus, типа личности с иными ценностями и иной мотивацией, иными социально-экономическими интересами.

Если в рамках рыночного, конкурентного отношения общественный интерес реализуется лишь *post festum*, в конечном итоге, как продукт взаимодействия *противоположных* интересов участников конкурентного процесса, то в отношениях солидарности с самого начала, а priori интересы субъектов кооперации едины и в основном совпадают с общим интересом. Так, принципиально и а priori едины интересы участников экологических организаций или субъектов глобальной сети АТТАК, предупреждавшей об угрозе мирового финансового кризиса с конца 90-х годов прошлого века. В основе своей едины интересы членов профсоюза и партнеров в рамках бизнес-ассоциаций³¹. Более того, отношения солидарности (или, в менее продвинутых «по

³⁰ Подробную информацию об экономике солидарности можно найти на сайтах ряда международных сетей, в частности, таких как АТТАК, CADTM, Transform!, World Forum for Alternatives и др. См. также: Социальная экономика: теория и практика. М.: URSS, 2009.

³¹ Проблеме развития бизнес-ассоциаций посвящены работы ряда представителей российской группы исследователей, работающих преимущественно в

ту сторону» рынка и капитала, формах партнерства) могут быть характерны и для некоторых взаимодействий участников рыночного процесса: то, что взаимодействия бизнесменов включают не только конкуренцию, но и партнерство, хорошо знают не только теоретики, но и практики бизнес-процесса.

Оговорюсь: совпадение интересов и целей субъектов отношения солидарности может быть основано на *формальной*, заданной извне, общности целей и ценностей, и тогда оно легко вырождается в бюрократическую проформу, представителем которой становится оторванный от кооперирующихся субъектов координирующий орган, а может быть следствием *конкретно-всеобщего взаимодополнения интересов, потребностей, целей участвующих в диалоге субъектов*³². В последнем случае (типичный пример здесь – кооперация ученых, разрабатывающих единую проблему в рамках творческого коллектива) бюрократическая инверсия общности оказывается принципиально затруднена, хотя и не невозможна. (В качестве краткой ремарки замечу: такая инверсия возможна с любым типом экономических взаимодействий, Так, в условиях нестабильности институтов рыночная конкуренция легко вырождается в криминальные разборки или даже войны: у каждого свои «болезни»...).

В рамках отношений солидарности формируется и особый тип соперничества, являющийся не другим именем конкуренции, а принципиально иным способом самореализации.

Рассмотрим в качестве примера сферу науки. Здесь в соревновании выигрывает не тот, кто наиболее обособлен от партнеров, а тот, кто максимально открыт к диалогу, кто постоянно дарит свои знания другим в ожидании критики (т. е. ответного подарка – нового блока знаний) и стремится превзойти своих оппонентов, доказав им в открытом споре свою правоту (подарив новый блок знаний). Во многом сходно строятся и отношения в творчески работающей студенческой группе, где каждый из участников стремится проявить себя как можно полнее, доказать в диалоге, что он (она)

неоинституциональном ключе, в частности А. А. Аузана и его коллег по кафедре прикладной институциональной экономики на экономическом факультет МГУ.

³² Категория конкретно-всеобщего, развитие которой дано в работах Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса и – как суммирование и дополнение классических трактовок – Э. Ильенкова, предполагает не формальное (по принципу сходства ежа и половой щетки, равно обладающих щетиной), а содержательное, родовое, конкретное единство, в том числе внешне не сходных, но сущностно «сродственных» (ср. гегелевская категория «избирательного сродства») феноменов. Подробнее см.: Гегель Г. В. Ф. Наука Логика. М., 1971, т. 1; Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1984. С. 270–285.

талантливее других, победить в дискуссии, получив максимальное признание коллег и профессора, т. е. стремится к победе через дарение своих знаний и талантов...³³

В-третьих, отношения, которые я выше обозначил термином «солидарность», носят некапиталистический характер. Они основаны на концентрации основных прав собственности в руках всех членов кооперации и в строгом смысле несовместимы с отношениями капиталистического найма одними участниками солидарного трудового процесса других. И распоряжение процессом (в частности, целеполагание и другие функции управления), и присвоение факторов деятельности, и использование ее результатов (например, отказ от вырубki леса как следствие деятельности экологической НПО) носят *непосредственно-общественный* характер.

Более того, с точки зрения отношений собственности в данном случае мы можем говорить о наличии и такого аспекта, как безвозмездная *взаимопомощь* участников солидарной деятельности и их непосредственное (не опосредованное принципами эквивалентности и иными видами отчуждения) *сотрудничество* в процессе реализации конкретно-всеобщих целей и ценностей (напомню: все это пересказ не текстов по политэкономии социализма, а упомянутых выше *западных работ о «социальном капитале»*).

Другое дело (повторю в третий раз, ибо читатели предварительных вариантов текста все время приводят одни и те же возражения), что в реальности отношения солидарности всегда противоречиво соединены с отношениями частного присвоения и коммерциализации, бюрократического управления и карьеризма, порождая погоню за деньгами и местом в иерархии в науке и педагогике, бюрократизацию управления и злоупотребления в НПО и т. п. Но ведь и собственники капитала «вырождаются»: одни норовят подкупить госчиновников, другие – превратиться в «баронов-разбойников» (господствующий тип крупного бизнеса в США второй половины XIX века), третьи – создать под видом частной службы безопасности мафиозную структуру... Причем степень вырождения особенно высока на этапе генезиса системы, так что *только зарождающиеся отношения солидарности и другие посткапиталистические отношения просто обязаны все стремиться тенденциями коммерциализации, бюрократизации и иными «пережитками прошлого» вследствие тех же законов, по которым капитал в эпоху первоначального накопления грешил страстью к использованию насилия и государственной власти...*

Вернемся к анализу отношений солидарности и сотрудничества и поставим проблему: о чем свидетельствует их наличие – о сохранении (возрождении)

³³ Еще раз замечу: автор отнюдь не идеалист. Выше я вел речь об идеальном виде отношений солидарности, тогда как в сегодняшней реальности они всегда «перемешаны» с отношениями конкуренции, борьбы за место в иерархии и т. п.

дориночных и докапиталистических отношений или о генезисе отношений *пострыночных и посткапиталистических*?

Автор и здесь предлагает пойти по пути историко-логического анализа содержания этих отношений. И такой анализ позволит выделить внешне сходные, но содержательно различные отношения, подпадающие под имя «солидарности».

Это могут быть докапиталистические отношения сотрудничества, основанные на доиндустриальном типе технологий, ручном репродуктивном труде, подчинении человека традиции и другим формам личной зависимости (наиболее типичный пример – община).

В наиболее варварском виде эти отношения могут существовать в форме принудительной «солидарности» («коллективная организация труда» в условиях ГУЛАГов), которая по существу является иным отношением, а именно технологической кооперацией, осуществляемой при помощи внеэкономического принуждения. Ничего общего с социально-экономическим отношением солидарности эта принудительная кооперация не имеет, хотя «имена» (вроде сталинских *«коллективных хозяйств»*- колхозов) и отсутствие конкуренции создает видимость их внешнего сходства. Но еж (вспомним сравнение этого животного с так похожей на него половой щеткой), как ни странно, по существу имеет гораздо более общего с зайцем или бегемотом, нежели с половой щеткой, которая, в свою очередь, содержательно гораздо ближе к пылесосу, чем к ежу. Так и с принудительной солидарностью: хотя внешне она в силу отсутствия конкуренции похожа на свободную ассоциацию, содержательно она ближе к кооперации наемных работников на капиталистическом конвейере, куда рабочего гонит не любовь к одуряющее-однотипному наворачиванию гаек на конвейере, а нужда и угроза безработицы, т. е. внешнее *принуждение*. Как и в случае с общиной крепостных, здесь налицо зависимость и принуждение работников, только зависимость и принуждение экономические, а не основанные на личном подчинении.

Но возможны и принципиально иные отношения, предполагающие преимущественно творческое содержание деятельности и добровольное свободное ассоциирование участников этого процесса. В случае, если в основе их сотрудничества лежит совместное социальное творчество, мы попадем в сферу деятельности социальных движений и НПО (в том числе свободных и добровольных ассоциаций предпринимателей, наемных работников и т. п.). Если же в основе такой кооперации лежит творческая деятельность ученого, художника, педагога, эколога, субъекта управления и т. п., то мы окажемся ближе к отношениям сотворчества в процессе деятельности креативного класса (и опять повторю рефрен: в реальности в большинстве случаев эта деятельность будет иметь переходные формы организации, включающие значимую рыночно-капиталистическую составляющую).

Наконец, возможны и промежуточные варианты, когда преимущественно репродуктивный индустриальный труд наемных работников организуется на основе отно-

шений солидарности за счет использования отношений формального освобождения труда (автор об этой переходной форме писал еще в 80-е годы³⁴). Ростки этих отношений существовали (хотя и были обременены бюрократически деформациями³⁵) в СССР, где они получили имя «энтузиазма» и «социалистического соревнования», а в теории – основного производственного отношения нового способа производства, о чем я уже упоминал.

Эти черты советского прошлого мы бы здесь, наверное, даже не стали вспоминать, ибо ныне абсолютное большинство экономистов абсолютно уверено, что названные выше феномены были исключительно идеологическим штампом, если бы не один «нюанс». Дело в том, что нынешняя организация труда и межличностных отношений, обозначаемая термином «социальный капитал», начинает повторять (естественно, без указания на исторически первые опыты) практику советской организации, а это уже важный факт.

Кроме того, как я уже заметил выше, элементы отношений солидарности имеют в формах партнерства в сфере бизнеса, а также – о чем я в этом тексте специально писать не буду – социального партнерства и социально-ответственного бизнеса.

Сказанное позволяет теоретически квалифицировать отношения, основанные на внеэкономическом принуждении, имеющие лишь видимость солидарности, как докапиталистические, ибо они базируются на отношениях, менее развитых социально и дающих меньший гуманитарный эффект, нежели капиталистические. С этим никто не будет спорить, и потому оставим этот тезис без комментариев.

Отношения же солидарности, основанные на творческой деятельности (в том числе – социальной креативности) и свободном ассоциировании участников, я считаю правомерным квалифицировать как посткапиталистические (и, соответственно, пострыночные). И этот тезис следует аргументировать.

Во-первых, они базируются на творческом, постиндустриальном по своему содержанию труде, что позволяет оценить их как, по меньшей мере, не менее прогрессивные, чем капиталистические, по технологическому базису.

Во-вторых, они предполагают снятие капиталистических форм отчуждения. Они лежат «по ту сторону» наемного труда, при котором работник продает свою рабочую силу и, следовательно, отчуждает свои способности и выполняет в процессе труда функции, диктуемые капиталом: цели, технологию и т. д. такой деятельности задает капитал (о креативной корпорации и новых методах управления креативным персоналом несколько ниже, ибо это формы, включающие элементы посткапиталистических отношений, основанные на использовании человеческого и социального «капиталов»). Кроме того, они предполагают преодоление отчуждения работника от функ-

³⁴ См.: Бугалин А. В., Колганов А. И. Реализация общенародных интересов. М., 1985.

³⁵ См.: Колганов А. И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. М., 1989.

ций управления, присвоения результатов деятельности и т. п., а также такой формы отчуждения, как конкуренция.

Наконец, в-третьих, они ставят задачи свободного развития человеческих качеств или сходные задачи как непосредственные цели деятельности и, как правило, обеспечивают высокие результаты в их достижении (косвенным подтверждением этого является то, что страны, широко использующие эти формы организации, – выше мы их обозначили как социал-демократические – имеют наивысшие рейтинги по Индексу человеческого развития, опережая по этому показателю аналогичные по уровню развития технологий страны с либеральной ориентацией экономики).

5. Генезис посткапиталистических отношений: эмпирические проявления

А теперь, после того, как теоретически сформулированы критерии, позволяющие выделять ростки посткапиталистических отношений, мы можем завершить нашу спираль, начавшуюся с систематизации эмпирических черт «социального капитала», фиксируемых западными исследователями, и вновь обратиться к практике. Обогащенное теоретическими выводами, это обращение позволит нам показать, где именно и как именно проявляются в практике современного позднего капитализма отношения, которые я обозначил как посткапиталистические и которые в западной литературе причисляются к сфере явлений, называемых «социальным капиталом».

Построим *классификацию этих эмпирически наблюдаемых в условиях позднего капитализма посткапиталистических отношений, проявляющих себя как «социальный капитал»*, на основе выводов проведенного выше краткого исследования, а именно – по принципу нисхождения меры развития посткапиталистических начал в эмпирически данных переходных отношениях и институтах позднего капитализма.

Первый блок – совокупность отношений и процессов, где в наибольшей (в условиях капитализма) степени развиты эти начала. Это феномены, где (1) труд имеет значимые творческие компоненты, (2) главными целями деятельности непосредственно являются социальные, гуманитарные, экологические и т. п., а денежная мотивация субъектов играет подчиненную роль и (3) отношения *par excellence* носят характер свободной добровольной кооперации (отчуждение работников от средств и результатов деятельности, а также от управления если и присутствует, то не является доминирующим). На этих основаниях сегодня строится деятельность многих социальных движений и НПО³⁶, коллективов ученых, занятых преимущественно фунда-

³⁶ Анализ теории и практики деятельности тысяч новых социальных движений и неправительственных организаций, объединяемых принципами Хартии Порту-Алегри (ее ключевые лозунги хорошо известны: «Мир – не товар!», «Люди, а не прибыль!») см. в серии ежегодно издаваемых сетью «Всемирный форум альтернатив» книгах «Глобализация сопротивления» (издаются на французском, английском и др. языках; на русский язык в 2004 г.

ментальными исследованиями, значительной части педагогов в начальной, средней и высшей школе (как правило, в государственном секторе), социальных работников, работников некоммерческих организаций в сфере культуры и взаимодействия человека с природой, людей искусства, ориентированных не на коммерческие результаты.

Эти пласты практики довольно редко упоминаются в исследованиях по «социальному капиталу», и еще реже о них вспоминают экономисты, принадлежащие к «мэйн-стриму», но с нашей точки зрения они принципиально важны. Важны, так как это постиндустриальные сферы экономики, являющиеся *наиболее значимыми для прогресса в XXI веке*, ибо они формируют креативные качества человека – главный ресурс развития экономики, основанной на знаниях. Важны они еще и потому, что здесь скрыт ключ к ответу на заявленный в начале статьи вопрос: что есть «социальный капитал» – скрепы современного капиталистического общества или же гексоген в его основании.

Второй блок. Элементы посткапиталистических отношений в индивидуальном поведении акторов экономики позднего капитализма, ориентированном на развитие человеческого и социального «капитала». Этот блок изучен и описан едва ли не наиболее полно, поэтому позволю себе лишь напомнить некоторые известные положения. Я бы их сформулировал так: в той мере, в какой индивид (1) действует (как работник, потребитель, собственник), исходя из ценностей и мотивов развития человеческих качеств, социальной кооперации, максимизации общественных благ и т. п. как приоритетных по отношению к целям максимизации денежного дохода; (2) включен в отношения солидарности, а не конкуренции; и (3) осуществляет свою деятельность свободно, а не как наемный работник или функция частной собственности (в развитии виде – капитала) – в этой мере он включен в посткапиталистические отношения и формирует «социальный капитал» (а также свой «человеческий капитал») как систему посткапиталистических по своей сущности отношений. Эти три параметра сегодня в немалой степени характерны, в частности, для представителей «рядовой» интеллигенции, лиц, занятых в экономике солидарности и т. д., и, следовательно, этот блок в значительной мере пересекается с первым.

Третий блок. Элементы отношений солидарности, взаимопомощи и т. п. в организации деятельности персонала в современных креативных фирмах, фирмах, использующих доктрину «человеческих отношений» и другие механизмы неотчужденного социального взаимодействия и мотивации. Этот блок отношений и механизмов достаточно подробно описан в зарубежной литературе, посвященной, однако, пре-

переведена одна из этих книг), а так же в коллективной монографии «Кто сегодня творит историю. Альтерглобализм и Россия» (М.: Культурная революция, 2010).

имущественно проблемам менеджмента, а не «социального капитала»³⁷. Естественно, в этих источниках почти никогда не говорится не то что о посткапиталистических формах организации труда, управления и других форм социально-экономических взаимодействий, но даже и о «социальном капитале». Посвященные этим вопросам работы по менеджменту вновь и вновь на протяжении вот уже почти столетия «открывают» для себя то, что индивид является не только рациональным экономическим человеком, максимизирующим денежный доход и минимизирующим затраты [своего труда и др. ресурсов], но и личностью, со сложной системой интересов и потребностей, ценностей и мотивов³⁸.

Для нас здесь наиболее интересны следующие компоненты, в наибольшей степени проявляющие себя у индивидов, описанных выше при характеристике второго блока:

- превращение [творческого] труда из бремени в ценность и стимул, что позволяет развивать формы стимулирования труда... трудом [имеющим творческое содержание];
- трансформация времени досуга в свободное время (время развития человеческих качеств, в том числе – время творческой деятельности)³⁹, что позволяет развивать формы стимулирования труда и активности свободным временем;
- стремление к включению в отношения солидарности, а не конкуренции в процессе трудовой деятельности, в том числе в трудовом микроколлективе (развитие форм коллективной организации труда, «работы командой» и т. п.);
- формирование долгосрочной некоммерческой (о коммерческой – участия в прибылях и т. п. – уже говорено-переговорено) заинтересованности в результатах деятельности макроколлектива: фирмы, организации, в случае социально ответст-

³⁷ Эти формы и методы управления обобщены в ряде работ М. Ю. Павлова.

³⁸ Замечу: теоретически названные выше аспекты были выделены более полувека назад в несколько специфической форме в работах по политической экономии социализма и марксистской социальной философии таких ученых, как Р. И. Косолапов, К. П. Тронеv, В. Н. Черковец, и позже – автором в совместных с А. И. Колгановым публикациях конца 1980-х годов. Кроме того, подчеркну, что многие из этих форм были впервые предложены в качестве компонент организации трудового процесса и трудовых отношений в странах «реального социализма», где социальная мотивация труда на ряде предприятий была развита в очень высокой степени, несмотря на все бюрократические мутации этой системы. Подробнее см. об этом работы 1980-х годов М. И. Воейкова, а также фундаментальную работу И. И. Чангли «Труд» (М., 1975).

³⁹ Не могу не отметить, что едва ли не самая интересная характеристика свободного времени как богатства, ценности и стимула, развивающая идеи

венного бизнеса – граждан страны в целом или даже человечества (работа на фирму, строго соблюдающую экологические нормы, является в странах, широко использующих модель социально ответственного бизнеса, одним из важных стимулов мотивации ответственной, высококачественной творческой работы персонала);

- развитие форм некоммерческого соревнования, ориентированного на максимальную реализацию личностных качеств и самореализацию индивида, индивидуальный престиж в коллективе, а также социально-гуманитарное стимулирование персонала (вплоть до форм, поразительно напоминающих «моральное» стимулирование участников социалистического соревнования в СССР);

- формирование климата неотчужденных социальных отношений и практики взаимопомощи в коллективе (в частности, доктрина «фирмы-семьи») и мн. др.

Четвертый блок. «Социальный капитал» как слагаемое отношений партнерства в бизнесе и социального партнерства. Как мы уже заметили выше, отношения между персонифицированными капиталами (фирмами, предпринимателями) также включают отношения не только конкуренции, но и партнерства. Последние нельзя в строгом смысле считать разновидностью отношений солидарности или взаимопомощи, т. к. целевые установки, мотивация и положение акторов этого отношения характеризуют его как в основе своей рыночное, более того, капиталистическое.

В то же время, наличие общих (не конкурентных) целей у участников бизнес-ассоциаций или партнерств (как явных, так и скрытых), содействие развитию каждого из участников ассоциации (партнерства), а не стремление к разорению конкурента, инициативная выработка неких общих «правил игры» (в том числе во взаимодействии с третьими лицами), добровольные ограничения коммерческих целей (вплоть до соглашений о непревышении неких заранее установленных уровней нормы прибыли) и т. п. говорит о наличии в рамках таких соглашений также и элементов пострыночных, неконкурентных отношений⁴⁰.

Отношения социального партнерства капитала и наемных работников, в частности, трехсторонние соглашения профсоюзов, государства и бизнес-ассоциаций, я бы квалифицировал как более продвинутые по шкале социализации, нежели чистое

К. Маркса, содержится в работах Побиска Кузнецова (См. в кн: По ту сторону отчуждения. М., 1990).

⁴⁰ То, что отношения конкуренции в условиях рынка предполагают и некую толику иных, партнерских отношений, а так же определенные нравственные [само]ограничения, заметил еще Адам Смит. Этот феномен хорошо известен и современным экономистам: как теоретикам, так и практикам. При этом, однако, большинство из его исследователей трактует его как элемент рынка, ибо для них (как я уже отмечал выше) все, что содействует развитию рынка, есть его атрибут, наличие нерыночных отношений игнорируется, не говоря уже о диалектике развития ростков нового качества внутри старой системы как важнейшего способа самосохранения последней.

бизнес-партнерство, поскольку в таких договорных отношениях собственно гуманитарные, социальные цели играют несколько бóльшую роль⁴¹.

В то же время я не стал бы преувеличивать пострыночные элементы в отношениях, которые я условно отнес к четвертому блоку. Они есть, но доминируют преимущественно рыночные, капиталистические параметры.

В качестве особого блока отношений, напрямую не встраивающегося в приведенную выше классификацию, я бы выделил отношения *доверия*. Известный еще с XVIII века как один из краеугольных камней рыночных отношений и воспетый в массе произведений, восхвалявших честность купечества и крепость слова бизнесмена еще на заре капиталистической эры, феномен доверия в новом столетии стал едва ли не наиболее часто упоминаемым (а у такого мэтра, как Ф. Фукуяма, как я заметил выше, – единственным) слагаемым «социального капитала».

Этот феномен интересен тем, что соединяет в себе сложный комплекс отношений, принадлежащих к взаимопересекающимся, но разноплановым пластам общественной организации. В самом деле, доверие есть (и это общеизвестно) один из институтов, обеспечивающих предпосылки функционирования рынка и капитала, наподобие других институциональных условий. Так, в сфере права рынок и капитализм невозможны вне гарантий неприкосновенности частной собственности и соблюдения контрактов. Такие же гарантии должны существовать и в нравственной сфере, и они существуют. Напомню лишь один аспект: из 10 библейских заповедей в буржуазном обществе наиболее хорошо известны и чаще других упоминаются именно те, что охраняют право частной собственности и контрактов: не возжелай чужого имущества, не укради, не убий (т. е. не используй внеэкономических методов воздействия на контрагентов). Первые же пять заповедей, где говорится о том, что единственный господин человека – бог, большинство даже не знает.

Доверие есть одна из таких «заповедей» – нравственный гарант соблюдения контрактов и [рыночных] обязательств. Впрочем, как и все остальные нравственные заповеди, эта имеет и внеэкономический⁴², общечеловеческий смысл и основания, что свидетельствует об особом месте *доверия* и позволяет отнести его к тем базовым человеческим ценностям и отношениям (наподобие семьи и т. п.), которые рыночная капиталистическая система превращает в «социальный капитал». Как и все такие отношения, «доверие» не исчерпывается статусом одной из предпосылок рынка и капитала, но включает в себя и внеисторический нравственный смысл – отношение к другому человеку как к субъекту, который соблюдает установленные нормы, прежде

⁴¹ Подробнее см.: Рудык Э. Н. Социальное предприятие, социальная экономика, социальное государство // Москва, 2004, № 12; Социальная экономика: теория и практика. М.: URSS, 2009.

⁴² Гумаргалиев И. Е. «Доверие» как феномен пострыночных отношений // Альтернативы, 2009, № 1.

всего – нравственные. И этот аспект позволяет квалифицировать «доверие» как феномен, имеющий не только рыночное содержание. Это общегуманистическая норма, которая именно в силу этого и совершенно не случайно отнесена к «социальному капиталу», а не просто к одной из институциональных предпосылок рынка.

Впрочем, доверие не является специальным предметом нашего исследования. Потому пойдем дальше.

Наряду со слагаемыми «социального капитала», которые чаще или реже, но все же исследуются как основания «социального капитала», существуют и такие общественные отношения, которые я также квалифицирую как посткапиталистические, но которые обычно *не* включают в «орбиту» «социального капитала». В частности, это отношения добровольного дарения (в том числе пожертвования и взносы граждан на развитие неправительственных организаций и социальных движений, благотворительность), иные легитимные формы безвозмездной добровольной передачи благ гражданами государству и НПО (их обычно называют *социальными трансфертами*, и они составляют десятки процентов ВВП развитых стран), добровольной безвозмездной деятельности (является типичной для очень разных слоев общества в странах с социальной ориентацией развития: от среднего класса Западной Европы до прекариата Латинской Америки) и др.

Невключение этих форм в сферу «социального капитала» не случайно: они, как правило, не могут быть использованы как объект для выгодных инвестиций, позволяющий получить рыночный эффект. Но их широкое распространение указывает на наличие в современной экономике социально-экономических процессов и отношений, которые не дают рыночного, но дают социальный эффект. «Открытие» этого пласта, конечно же, не наша заслуга. Но это и не заслуга упомянутых выше зарубежных авторов, описавших это (второе в классификации, приведенной в начале статьи) подмножество явлений. Они были квалифицированы как зародыш некапиталистических отношений в марксизме едва ли не столетие назад...

Этот пласт явлений, на наш взгляд, также может быть назван *посткапиталистическим* – на тех же основаниях, что и рассмотренные выше элементы социального капитала. Добавлю к прежним еще один аргумент: эти отношения рождаются, как правило, вследствие компенсации «провалов» рынка, т. е. именно там, где отношения рынка и капитала не могут дать ответ на вызовы новой реальности. Впрочем, эту тему автор уже рассматривал в одной из предыдущих статей⁴³.

И последняя ремарка в связи с анализом посткапиталистических отношений как специфических оснований «социального капитала». Эти отношения в большинстве своем *позволяют компенсировать провалы не только рынка, но и государства*. Лежащие в основе «социального капитала» и таких институтов, как НПО, социальные

⁴³ Вопросы экономики, 2004, № 3.

движения, научные, педагогические, экологические и т. п. ассоциации, отношения солидарности и социально-гуманитарные ценности и мотивы, т. е. *отношения и формы свободного добровольного ассоциирования граждан, по своей природе лежат «по ту сторону» не только рынка и капитала, но и государства* с его бюрократизмом, иерархией, карьерными и властными устремлениями и т. п.

Впрочем, это уже тема иного текста – работы, которую я назвал «По ту сторону провалов рынка и государства» и которая скоро выйдет в свет.

А теперь давно напрашивающийся вопрос: *а что же делает эти внерыночные по своей природе отношения и связи людей капиталом?* Пусть всего лишь по видимости, но капиталом?

Ответ на этот вопрос уже был дан выше: то, что в большинстве случаев суммированные выше отношения и процессы в условиях современной экономики можно использовать как одно из средств для увеличения прибыли, как *один из мультипликаторов процесса накопления капитала*.

Соответственно, ответ на вопрос о том, почему это всего лишь *симулякр* капитала, как бы капитал, тоже был уже дан – здесь нет сущности капиталистического отношения, которая была сформулирована выше: в капиталистическом отношении есть не только процесс самовозрастания стоимости (подчеркну: именно стоимости, адекватной всеобщей формой которой являются деньги, а не любого богатства), но и взаимодействие лично свободного и не имеющего капитала наемного работника с собственником капитала (об эксплуатации я намеренно не веду здесь речь, чтобы остаться в рамках аксиоматики, приемлемой и для неоклассики).

Если на языке постмодернизма это положение дел обозначается как симулякр⁴⁴, то в марксизме для этого используется категория «видимости» и «превращенной формы». Видимость, как известно, обретается на поверхности явлений и отрывается от сущности, скрывая ее. Воспроизводство этих видимостных феноменов приводит к возникновению превращенной формы – формы, которая создает видимость иного, чем действительное, содержания некоторого процесса⁴⁵.

⁴⁴ О симулякре и аналогичных ему феноменах пишут почти все известные постмодернисты, начиная с «Политэкономии знака» Ж. Бодрийяра и заканчивая работой С. Жижека «13 опытов о Ленине», где последний пишет о логике современного общества (и экономики) мифов гораздо больше, чем об Ульянове. Как замечает другой известный постмодернист Жак Деррида, «наваждение организует те формы, которые господствуют в сегодняшнем дискурсе» (Деррида Ж. Призраки Маркса. М.: Logos altera, 2006, с. 56). См. также: Jameson F. Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism. L.-N.Y., p. 18. Авторская трактовка этого «дискурса» дана в серии работ по критике постмодернизма.

⁴⁵ Подробнее см.: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Пределы капитала: методология и онтология. М.: Культурная революция, 2009, с. 186–212, 344–373.

Именно это, как я постарался доказать выше, и происходит в случае с социальным капиталом. *Воспроизводство отношений позднего капитализма, тотальная гегемония капитала*⁴⁶ приводят к тому, что и базовые человеческие связи, и порождаемые закатом капитализма ростки посткапиталистических отношений эта ставшая тотальностью сила превращает в **как бы** капитал, создавая превращенную форму, получившую имя «социальный капитал».

Впрочем, все это непосредственно касается только тех форм «социального капитала», которые дают его агентам рыночный эффект

Гораздо менее понятно, почему не только эти отношения, но и отношения, не дающие частного рыночного эффекта, тоже называют «социальным капиталом». Я лично вижу только одно основание для такой квалификации: они производительны, хотя и не в рыночном, частном смысле. Они результативны лишь как социальное явление, дают в первую очередь собственно социальный (гуманитарный, экологический и т. п.) эффект. Но, как я уже заметил ранее, такой подход позволяет в качестве капитала квалифицировать и все мероприятия НПО, социальных движений и левых сил по ограничению рынка и капитала, что, на мой взгляд, делает *такое* употребление термина «капитал» просто абсурдным...

Более того, учитывая, что социальные трансферты и аналогичные им социальные феномены зачастую вызывают снижение прибыли частных корпораций и доходов их собственников, я бы назвал этот класс явлений «социальным антикапиталом», в отличие от приведенных выше классов явлений, которые с полным правом можно называть видимостью (или, еще точнее, симулякром) «социального капитала».

**6. Новая реальность, скрытая за видимостью социального капитала:
что было бы полезно увидеть бизнесу и наемному работнику
(вместо заключения)**

Этот – заключительный – раздел будет совсем коротким. Собственно говоря, все главное уже было сказано выше. Остается лишь определить «мораль» сей «басни». На мой взгляд, проделанное выше исследование позволяет сделать следующие выводы и рекомендации.

Во-первых, вывод о том, что открытие в течение последних десятилетий целого сонма разного вида новых «капиталов» (я их уже перечислял: человеческий, социальный, природный, культурный...) позволяет говорить о разворачивании в рамках позднего капитализма новых общественных отношений и процессов, не вписывающихся в «классику» капитализма и описывающих его теории. Эти отношения (в част-

⁴⁶ Подробнее см.: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. М.: URSS, 2004, 2007.

ности, «социальный капитал»), как я постарался показать выше, по своему содержанию капиталом не являются, они лишь создают симулякры капитала, превращенные формы базовых социальных и посткапиталистических отношений. Соответственно наличие последних и их все большее распространение есть первый вывод.

Во-вторых, скрывающиеся под именем социального и иных «капиталов» отношения, будучи в своей сущности противоположностью капитала, в конкретных условиях современной экономики используются во многих случаях к вящей выгоде последнего, служат его укреплению, трансформируя некапиталистические формы в «капиталоподобные» и интегрируя их в систему. В то же время прогресс посткапиталистических основ социального и иных «капиталов», особенно в их наиболее адекватных новому строю формах, перейдя определенную меру, способен подрывать основы позднего капитализма.

Глобальный капитал как субъект, заинтересованный в сохранении своих основ, устами теоретиков, отражающих его интересы, формулирует это адекватным для себя образом: с их точки зрения, развивающиеся до определенной меры новые формы есть лишь особые разновидности рынка и капитала, а сверх этой меры их развивать не следует, ибо это неэффективно. Вот и все. И никаких зародышей посткапиталистических отношений.

С нашей же точки зрения именно эта граница и указывает на самые интересные проблемы – проблемы *пределов капитала и формирования элементов новой социальной системы в его недрах*. Но это уже другая тема.

В-третьих, исследование «социального капитала» позволяет сделать и некоторые выводы, небезыңтересные с точки зрения бизнеса: развитие нерыночных, некапиталистических форм, в том числе крайне «дешевых» (если не вообще бесплатных) для капитала, может давать значимый *капиталистический* эффект, обеспечивая не только большую устойчивость системы, но и позволяя повысить рыночную эффективность ее агентов, развивая активность ее субъектов, в том числе – наемных работников, создавая для них не оплачиваемые капиталом стимулы работать более производительно, творчески, содержательно.

Этот вывод, на первый взгляд, «льет воду на мельницу капитализма»: авторы указывают на новые способы повышения не только эффективности [капитала], но и – переводя разговор на язык марксизма – эксплуатации. И это действительно так.

Но это лишь одна сторона медали. Противоположная сторона состоит в том, что, трансформируя наемных работников в субъектов человеческого, социального и т. п. «капитала», поздний капитализм развивает основы своего самоотрицания. На смену формально и реально подчиненного капиталу частичного наемного работника классического капитализма приходит *Человек*, активный субъект социальных отношений, для которого полнота личностного развития и социальных связей становится важной ценностью и стимулом. И такой *Человек* подрывает собственные основы капитала,

становясь потенциальным субъектом созидания новых социально-экономических отношений и институтов. Капитал «нутром» чувствует эту угрозу, и потому с большой опаской идет на развитие описанных выше переходных форм взаимодействия с работниками и организации их труда даже там, где это сулит ощутимый коммерческий эффект.

Впрочем, здесь есть и поле для соглашения: упомянутые выше модели социального государства, социально-ответственного бизнеса, некапиталистически организованные формы хозяйства («экономика солидарности» и т. п.) показывают возможный исторический компромисс. Другое дело, что он выгоден капиталу лишь в очень ограниченных рамках, ибо сколько-нибудь серьезное продвижение по пути развития этих новых переходных форм создает мощные предпосылки и импульсы для перехода к иной, посткапиталистической общественной системе.

И последнее. В самом начале текста я заметил, что «социальный капитал» в настоящее время часто рассматривается в качестве некоего «клея», социальных скреп, соединяющих разрозненные и во многом противоречащие друг другу фрагменты общества. И это действительно так: все описанные нами в статье переходные формы позволяют, при их эффективном использовании, в некоторой мере снимать (в гегелевском смысле – отрицания с удержанием положительного) ключевые антагонизмы рынка и капитала – эгоизм, конкуренцию, противостояние наемного труда и капитала и другие формы отчуждения, способствуя кооперации и устойчивости общественных связей. Но есть здесь и диалектически противоположная сторона: все эти позитивные результаты, связанные с развитием «социального капитала», в большинстве случаев связаны с прогрессом некапиталистических и, более того, посткапиталистических отношений, т. е. отношений, подрывающих основы господствующей ныне системы...
